

Мансуров Андрей

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Конан: неожиданные приключения

ФЭНТЕЗИ

Андрей Мансуров

Конан: неожиданные приключения

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Мансуров А. А.

Конан: нежданные приключения / А. А. Мансуров — «ЛитРес: Самиздат», 2021

В этих трёх новеллах рассказывается о новых приключениях знаменитого киммерийца - Конана-варвара. В первой новелле он пытается проникнуть в подземелья заброшенного - как считает людская молва! - и проклятого дворца. Разумеется, в поисках сокровищ. А вот что с ним случается, когда он туда попадает... Во второй новелле Конан, спасающийся бегством от гвардии очередного ограбленного им султана, попадает в заброшенный и занесённый песками дворец. В лабиринтах которого противоборствуют два древних врага. И эти враги - не люди... В третьей новелле Конан встречается с самым настоящим Демоном. Но встреча заканчивается для киммерийца совсем не так, как можно было бы предположить...Содержит нецензурную брань.

Содержание

Конан и семейка из проклятого замка	5
1. Странные враги и препятствия	5
2. Тайный водовод	12
3. Лабиринт	19
4. Девушка	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Андрей Мансуров

Конан: неожиданные приключения

Конан и семейка из проклятого замка

1. Странные враги и препятствия

Осы напали на Конана ближе к вечеру.

Он бы мог поспорить, что ничем и никак не спровоцировал это коварное нападение: шёл себе и шёл по лесу. Вёл себя даже более мирно, чем обычно: ни в каких косулей-олений-зайцев не стрелял, (Поскольку остатки ноги одной из этих самых косуль тащил на плече!) сочные ягоды с заматеревших к концу лета кустов не рвал, и ступать на траву, опавшие листья, и мох старался как обычно бесшумно: так, чтоб, как говорится, травинка не шелохнулась...

И, тем не менее, прямо сверху, с макушки высокой старой берёзы, где имелся огромный, размером с полтелеги, дом насекомых в виде серого вытянутого шара, на него вдруг обрушился настоящий шквал из чёрно-жёлтых, сердито жужжащих, и подозрительно крупных – с добрый жёлудь! – хитиновых тел.

Отлично понимая, что отмахиваться плащом бесполезно, как и пытаться порубить нападавших в мелкое крошево мечом, киммериец... Отбросив суму и ногу косули, со всех ног пустился наутёк – назад! Потому что укусы парочки добравшихся-таки до него тварей оказались чертовски болезненны!

Они жгли покусанные руки, словно раскалённые гвозди!

Кожа в месте укусов мгновенно покраснела, и вспухла буграми. А плоть словно замёрзла: верные орудия почти перестали слушаться его приказов! И он мог бы поспорить, что ещё с десяток таких «ран», особенно в ноги – и тело просто онемееет! И его зажалят насмерть!

Так что наплевав на то, что он никогда не бегал ни от какого врага – что с мечом, что с клыками и когтями, что чародеев с их чёрным колдовством, варвар драпал сейчас со всех ног. И ему вовсе не было стыдно. Бороться человеку – с насекомыми...

Абсолютно бессмысленно!

Да и попросту невозможно.

Бежал назад Конан не просто так: пять минут назад он прошёл мимо маленького и мирного на вид озера, вернее, скорее, даже болотца, заросшего по берегам рогозом и камышом, а по почти всей остальной поверхности – ряской, и очаровательными белыми кувшинками. Но по виду водоёма можно было сказать, что он довольно глубокий, и погрузиться в него с головой удастся! И сейчас варвар благодарил Крома, своего сурового покровителя, что это озеро ему встретилось, и он запомнил расположение спасительного пруда! И что бежит он пока быстрее большей части чёртовых насекомых! Впрочем, вовсе не желающих бросить погоню, и вернуться к себе домой!

Погрузился в спасительную воду Конан просто: с разбегу нырнув прямо в заросли из широких густо-зелёных листьев, презрев прекрасные цветы, которых подавил своим могучим торсом с добрый десяток! И плевать, что место его погружения видно теперь любому врагу: все они куда меньше беспокоили его сейчас, чем подлые и неубиваемые настырные тварюшки с крыльями и – главное! – ядовитыми жалами!

Затхлая вода мгновенно сомкнулась над его головой. Вокруг сразу стало блаженно тихо, и даже те полосатые кусачие твари, что пытались запутаться у него в волосах, поспешили отстать и легко смылись с его густой гривы громко булькнувшей водой.

Однако когда через минуту Конан попытался выбраться из-под листьев кувшинок, осторожно приподняв их головой, оказалось, что мерзкие насекомые никуда не делись: так и вьются над тем местом, где он нырнул! Пусть и на высоте его роста, но явно не собираясь отступать: словно знали, гады, что он под водой долго не просидит! И рано или поздно так и так вынужден будет вынырнуть подышать!

Стоило Конану вдохнуть поглубже, как атака возобновилась: к его лицу неслось, казалось, с добрую сотню сердитых тварюшек, раскрашенных словно настоящие маленькие крылатые тигры, и вид имевших очень решительный. А именно, нацелившихся лапками-ножками, ощетилившихся жвалами, и солидного вида выпущенными наружу жалами, торчащими из кончиков брюшек!

Зрелище могло бы впечатлить и испугать более нервного человека. Но у Конана оно вызвало только раздражение: вот ведь неожиданная преграда на пути!.. Да и укусы болят, хотя вода и притупила остроту боли.

Да чтоб вас!..

Конану пришлось срочно снова нырнуть, ругаясь про себя, и пытаясь быстро сообразить, как бы отделаться от непрошенных гостей.

Какого Неграла им от него надо?! Шёл себе, никого не трогал, на многоуровневый дом на берёзе не нападал... Да и сами осы – какие-то уж больно крупные. Гигантские. Но это не шмели, или шершни, а именно – осы. Ещё и с каким-то особенно сильным ядом.

Странно всё это.

Может, этих мерзких насекомых создал какой маг, или чёрный чародей – и расставил их осинники на подступах к своей отлично замаскированной в чаще леса берлоге?

Или уж – замку?..

Хотя Конан никогда и ни от кого не слышал, чтоб в местных лесах обитал какой-то, вот именно, чародей. Будь то – чёрный, опальный, или просто – отшельник.

Значит, будем исходить из предположения, что осы получились такими огромными – сами. Без посторонней помощи. И нападают на всё живое, проходящее мимо – тоже сами. Инстинктивно. А не по чьей-то зловещей указке.

А отсюда вывод: никакого «высшего» покровительства у проклятых насекомых нет. И если он их поубивает – никто к ним на помощь не придёт. И мстить за убитых не будет. Осталось немного.

Придумать, как ему поубивать их.

А это проблематично. Потому что думать, сидя под водой, и выныривая лишь на краткий миг, чтоб вдохнуть очередной, столь вожделенный, глоток воздуха, трудно.

Вот сейчас Конан пожалел, что так опрометчиво поспешил избавиться от сумы. Там, в кармашке, имелась тонкая трубка. Как раз для скрытного приближения к врагам под водой. А сейчас... Впрочем, как говорится в поговорке: «используй то, что под рукой, и не ищи себе другое...»

Мягко подплыв под водой к росшему поблизости кусту камыша, киммериец срезал кинжалом самую толстую камышину. Так. Вот: звено подходящей длины и толщины. Вырезать его. Расковырять глухие пробки, имеющиеся в обеих торцах звена. А теперь отрезать пук соцветий, имеющийся на верхнем кончике камышины. Засунуть тонким основанием внутрь трубки.

Она пусть и короткая, зато – вполне подойдёт по толщине. А метёлка, торчащая сверху, не позволит насекомым пролезть сквозь отверстие – к его рту.

В процессе изготовления приспособления для дыхания Конану пришлось, конечно, несколько раз всплывать, чтоб вдохнуть. И каждый раз он с растущим раздражением убеж-

дался, что настырные твари не собираются снимать свою «осаду» – так и выются над озерцом, нороя атаковать, стоит его лицу появиться над поверхностью. Пусть и в разных местах водоёма. Пусть и прикрытое лаптакими густо-зелёными листьями.

Дышать через камышину длиной с две ладони оказалось вполне удобно. Воздух поступал свободно, и его было достаточно. Единственное, что напрягало, что приходилось как бы парить в воде на спине, и лицо держать так, чтоб оно смотрело в небо. А вот его «фирменная» трубка имела удобный изгиб – изворачиваться не пришлось бы. Да и ладно. Теперь он легко продержится так до наступления темноты. А ночью, насколько он знает повадки насекомых, они не летают. Значит, скоро уберутся к себе. Домой.

Вот так, полёживая на спине, и наблюдая, как постепенно меркнет свет вокруг озерца, и выются над зеркалом воды еле различимые тельца, он и лежал с добрый час. Придумывая, как бы ему прикончить настырных тварей, и обезопасить себя от них на будущее. И вспоминая, какой демон занёс его сюда, в этот дикий и почти необитаемый лес.

Собственно, демон был всё тот же. И вполне обычный.

Жажда наживы.

Об этом месте ему рассказывали и наёмники-кушиты, и работоторговцы из Пунта Аргосского, и караванщики из Кофа. И даже трактирщик Рафшон, пожилой, но крепкий, словно старый дуб, иранистанец, жаждой той же самой наживы заброшенный в эту заштатную дыру, однажды оговорился при нём, что ежели б был помоложе, и набрался смелости, и запасся магическими амулетами, может, и плюнул бы на свой маленький бизнес, и подался за кладом короля Овринга.

Конан эти легенды слышал, конечно, и раньше – в них разлилось только количество сокровищ, запрятанных старым королём, проклявшим своих передравшихся за наследство ещё до смерти венценосного родителя, сыновей, и спрятавшим всю свою казну в обширнейших пещерах под дворцом. А после этого приказавшем поджечь этот самый дворец. И доразрушить то немного, что уцелело после его обрушения, сравнивая стены с поверхностью земли...

Детали этих легенд и рассказов, конечно, отличались. Но все сходились на том, что звали сердитого короля – Овринг, и дворец он поджёл лишь после того, как надёжно упрятал золото и драгоценные камни в подземелья. Обширные и многоэтажные.

Конан не без оснований полагал, что по части блуждания по запутанным и тёмным лабиринтам равных ему сейчас нет. Огромная практика! Где только, и чего только он не находил! Лишь бы там, в подземельях, и правда – что-то имелось. А, похоже, имеется.

Самым серьёзным аргументом в пользу того, что сокровище до сих пор не найдено, и не пущено в расход, явилось то, что в живых из семьи старого короля никого не осталось. Оба сына в буквальном смысле покончили со своими армиями, столкнув их в последней роковой битве, а затем – и лишили своего отца последних наследников престола. В схватке нанесли друг другу смертельные раны отравленными лезвиями мечей.

После чего мать братьев, королева Васса, прокляла и своего мужа, и постылый дворец, и место, где всё это и произошло: а именно – огромную равнину, где и состоялась последняя битва. И её окрестности. И вообще – все земли злополучного короля. И закололась кинжалом младшего из братьев.

После этого проклял место, где стоял сожжённый и разрушенный дворец, и свою загубленную жизнь, и свою чёрную юдоль и сам король Овринг. И удалился куда-то в Стигию. Чтоб, не то – умереть где-то по дороге, не то – научиться чёрной магии, позволившей бы вернуть его близких... Оттуда, откуда ещё никто не возвращался!

Прийти и занять опустевший трон проклятых земель почему-то никто из соседей, и даже авантюристов-разбойников, не пожелал. Похоже, снова хмыкнул про себя Конан, проклятье и правда – казалось современникам Овринга очень страшным.

Народ из земель небольшого, в принципе, королевства, незаметно и тихо рассосался: по соседним землям и странам. Называясь выдуманными именами, и рассказывая сказки, что они – переселенцы из якобы других стран и краёв: никто не хотел, чтоб люди показывали пальцем, и обзывали «проклятым». Так что место, вроде, должно быть пустым: желающих восстановить из пепла и руин королевский дворец, и заселить заросшие лесом поля и заброшенные пашни и луга что-то всё никак не находилось. Уже лет с двести.

И Конан, услышав сетования, вроде, трезвого и прожжённого хапуги-трактирщика, подумал: а почему, собственно, ему самому не нанести визит в «заброшенные и проклятые» земли?! Ведь чем-чем, а «проклятьями» его неугомонный Дух – не запугать!

А если удастся добраться до заваленных, и, по слухам, до сих пор не тронутых никем подвалов, и пошарить там – вдруг и правда, найдётся чего полезного?! И приятного.

Правда, в это верилось с трудом. Слишком уж лакомый кусок эти сокровища, чтоб легенды о «защитном проклятии» остановили предшественников. Профессиональных расхитителей могил и гробниц. Или таких же свободных и вольных авантюристов, искателей приключений и сокровищ, как и он сам!

С другой стороны, раз его пока никто не нанял, и у него остались кое-какие деньжата, которые Конан ещё не успел прокутить в кабаках Мессины, почему бы и не прогуляться?! Как утверждал Рафшон, до границ королевства Овринга не больше семи-восьми дней пути. Пешком. А на коне – так вообще четверо суток!

Но поскольку верный конь Конана пал ещё две недели назад, от какой-то неизлечимой местной лихорадки, идти пришлось, вот именно – пешком. И тащить суму со столь нужными в дороге и в работе искателя приключений вещами и продуктами – на плече. А в этот раз Конан захватил, чтоб спокойно спать на лесной подстилке, и плащ из овчины – её запах отпугивает большую часть вредоносной ползучей мелюзги типа скорпионов или многоножек. Которые инстинктивно боятся её запаха.

Вот, правда, от таких насекомых, как напавшие на него летающие хищники, невыделанная овчина защитить не могла. Ну и ладно. Полёживая в воде, и мягко поводя руками-ногами, чтоб не всплыть, Конан уже придумал план, как ему разобраться раз и навсегда с гнездом его обидчиков. Причём – самым радикальным образом. Вот только нужно выяснить – одно ли оно такое тут поблизости!

С наступлением настоящих сумерек осы-таки убралась восвояси. Но Конан всё равно на всякий случай полежал под водой ещё с пяток минут: мало ли! Ещё попытаются обмануть, затаившись где-то в засаде!

Но когда осторожно и бесшумно вынырнул наконец на поверхность, всё оказалось спокойно. Ну и правильно: чтоб устраивать «засады», надо обладать хотя бы зачаточными мозгами! А у этих тварюшек – только слепые инстинкты и жажда убивать врагов!

По своему следу варвар вернулся к осиннику легко. Всё верно: вот она и нога (На которую уже напали вездесущие муравьи! Ну, от них-то он отделался легко, постучав небольшим окороком о ближайший ствол!), а вот и его плащ из овчины. Так. Осмотримся.

Нет, никаких «других» осинников поблизости не наблюдается, их не видно в обозримых пределах леса даже с его кошачьим зрением. Хорошо.

Теперь найдём подходящее место, и разведём костёр.

Наломал дров из опавших веток и сучьев Конан без проблем: они тут валялись буквально везде. Высечь огонь и раздуть искры, упавшие на имевшийся трут, тоже заняло немного времени. Как немного ушло его и на то, чтоб сделать костёр реально большим и жарким, и поджарить на нём шашлык из кусочков нарезанного с ноги кусули мяса.

Наевшись, и убедившись, что вокруг уже сгустился непроницаемый мрак ночи, киммериец попроворачивал в костре парочку особенно больших дрюковин, которые явно были из сосны: смолистые, отлично горящие. Вот теперь они пылали в полную силу!

Значит, можно лезть.

Забираться на толстую старую берёзу было нетрудно. Сучьев по дороге наверх имелось предостаточно, и лезть даже с помощью одной руки удавалось легко.

Добравшись до огромного шара, скорее, состоявшего как бы из двух конусов, широкими основаниями расположенными друг к другу, и посередине насчитывавших несколько плоских лент-поясов, варвар не без опаски и интереса рассмотрел сооружение сбоку и снизу. Вот он: леток. На самом нижнем острие. А вот эти «этажи» в середине явно надстраивало не одно поколение жалящих паршивцев. Живущих колонией. А не поодиночке, как те осы, с которыми он раньше имел дело.

Что ж. За длинное жаркое южное лето эта конструкция из материала, очень напоминавшего серую грубую бумагу, наверняка неплохо просохла. И обитатели спят, даже не потрудившись выставить часовых. Наверняка надеясь на свою «грозную» славу. И высоту берёзы.

С другой стороны, это – не пчёлы. Уж к ним-то за «мёдом» никто не ползет...

Конан поднёс ярко пылающие головни к центру основания нижнего конуса, и держал несколько секунд, пока не убедился, что дно и стены огромной постройки отлично занялись, и пламя взметнулось уже на добрых два его роста вверх! После чего поспешил спуститься тем же путём, которым забрался, отбросив уже ненужные головни. Мощный гул проснувшихся хищниц он слышал даже на земле. Как и рёв пламени. Но пробиться на свободу сквозь завесу бушующего огня живым не удалось никому!

Догорел красиво полыхавший осинник буквально за минуту. Но этого оказалось достаточно: вся его чёрная масса и буквально тучи обгорелых угольков, в которые превратились тельца злобных насекомых, грохнулись вниз вместе с прогоревшими ветками берёзы. И гнездо почти уже не полыхало: всё, что могло гореть, сгорело ещё наверху.

Но Конан не пожелал останавливаться на достигнутом: мало ли! Вдруг там, в каких-нибудь внутренних и особо защищённых слоях, ещё остались какие личинки, или полусозревшие осы!

Он натащил к упавшей конструкции заготовленных веток и сучьев, и поджёг этот новый костёр своими верными факелами. Снова пламя полыхало в два его роста!

Вот теперь, убедившись, что среди угольев и золы ничто и никто не смог выжить, Конан вернулся к своему первому костру. Подбросил дров. Осмотрел лес, вслушиваясь.

Всё тихо. И никто к нему, как говорил его инстинкт, не подбирался с коварными намерениями...

Ну вот он и покончил с теми, кто безжалостно и коварно искусал его: места укусов всё равно болели, хоть он и смазал их целебным бальзамом, склянку с которым как обычно нёс в суме, завернутой в тряпки. Мечь, как говорится, свершилась.

Почему же он не чувствует удовлетворения?

Может, потому, что враги – не люди, и ничего так и не поняли?..

Ладно, утро вечера мудренее. Посмотрим, что ждёт его завтра.

Он завернулся в свой мягкий плащ, и мирно заснул.

Выспался киммериец отлично.

Да, собственно говоря, так было и в предыдущие ночи. Людей здесь опасаться не приходилось, а от хищников его отлично защищал костёр: ни одно животное не подойдёт само туда, где есть обжигающее пламя.

Сожжённый осинник всё ещё дымился в лучах восходящего солнца, но варвар даже не удосужился подойти, чтоб взглянуть. Зачем, если все обитатели столь пожароопасного сооружения наверняка погибли в первую же минуту, когда полыхало так, что и более крупные твари погибли бы за считанные мгновения?!

Конан на сгоревших тварей больше не злился, тем более, что бальзам свершил свою привычную работу, и боли от укусов он не чувствовал.

Подбросив в свой притухший костерок побольше сучьев и валежника, Конан быстро нарезал ещё мяса из окорока. Нанизал на вчерашние прутики. Воткнул в землю. Пока мясо жарилось, вернулся к «своему» озерцу. В ручейке, впадавшем в него, умылся.

Вот теперь можно с полным желудком и спокойной совестью и дальше двигаться.

Лес продолжался ещё с час. Затем Конан вышел на опушку чего-то, что могло бы быть обширным выгулом, или пастбищем для овец или коров. Во всяком случае, пристально изучая из укрытия за деревьями и кустами открытую равнину, поросшую травой ему по колено и редкими кустиками ежевики, он сильно удивлялся: почему это отличное пространство не занято тоже – лесом?! Ведь все знают, что и обычные смешанные леса, и тайга, если нет никаких сдерживающих факторов, очень быстро наступают на пустое пространство, заполняя его деревьями и соответствующим подлеском.

Странно. Может, с почвой тут что-то не так? И деревья на ней не растут?

А почему тогда трава – растёт?

Но решив, что для лично него в этом поле нет ничего опасного, варвар поправил суму на плече, пристроил на нём же поудобней остатки ноги косули, да и двинулся туда, куда и шёл все эти пять дней: на юго-восток. Бдительности он, естественно, не терял.

Трава действительно оказалась по колено. В ней сновали прыткие вездесущие муравьи, ползали какие-то ярко раскрашенные не то жуки, не то – тараканы, вокруг него, вспугнутые из травы его шагами, вились мошки и комары. И оглушительно стрекотали цикады, ясно давая понять, что никого из птиц, или других насекомоядных хищников, охотящихся на них, поблизости нет.

И именно этот факт напрягал Конана особенно сильно: птицы уж от обильной и доступной трапезы просто так не отказались бы! Значит, всё-таки, что-то с этим идиллическим на вид местом – не так...

Что с ним «не так» выяснилось, когда от кромки леса он отошёл примерно на полмили. Трава впереди Конана вдруг пришла в движение, и почва, на которой она росла, внезапно встала как бы гигантским бугром! С тихим хлопком этот бугор лопнул, выпустив на поверхность «охранника» чёртова луга.

С такой тварью киммерийцу встречаться ещё не приходилось.

Похожая на чудовищно увеличенную ящерицу монстра злобно зашипела, и оскалила «ротик» – огромную пещеру шириной во всю её переднюю часть: в добрых два локтя! Но не чудовищные треугольные и загнутые назад зубы с дюйм длиной заставили Конана резко отпрыгнуть в сторону, а длинный и мускулистый язык, вылетевший оттуда, словно камень из какой пращи!

Быстрота движения этого странного «орудия» была, конечно, чудовищной, и наверняка никакое животное, или человек, сдуру оставшийся бы на месте, не смогли бы увернуться от него! Но киммериец и не был обычным человеком!

Поэтому отскочил в сторону буквально за доли секунды до того, как чёрная блямба размером с кочан капусты, имевшаяся на конце странного орудия метания, и похожая на присоску формой, попала ему в грудь!

Блямба на мясисто-мускулистом тяжёлом просвистела мимо, по инерции пролетев ещё с добрых пять шагов! Однако варвар не стал ждать, пока тварь произведёт «перезарядку» своего метательного приспособления. За ничтожно краткий неуловимый миг он выхватил верный меч, и перерубил странный вырост!

Монстра завизжала, втянув остатки языка, и метнулась к нему, выпучив глаза, расположенные по краям пасти, и растопырив острые когти на передних изогнутых лапищах!

Ну уж, ждать, пока его покусает или исцарапают, в планы Конана не входило.

С могучим киммерийским кличем он ринулся навстречу монстре! И за два шага до её морды подпрыгнул высоко в воздух, сделав кувырок, и приземлившись прямо за мордой, на спине! Вонзить меч на всю его длину в то место, где голова соединялась с длинным, с десяток шагов, туловищем, оказалось делом мгновения!

Тварь под его сапогами конвульсивно содрогнулась. Из пасти вырвался словно вздох. Но достать врага после удара монстра не попыталась.

Конан однако поспешил соскочить со спины, и отбежать в сторону. Меч он не стал вынимать, так и оставив в туше, которая оказалась пронзена до самой земли!

Конвульсии чудища, довольно слабые и быстро закончившиеся, оказались, как он справедливо посчитал, предсмертными. Глаза, всё ещё пытавшиеся нащупать врага, остекленели. И монстра распласталась, словно бы – растеклась по траве, будто его удар выпустил из её надутого, словно бурдюк, тела, весь воздух...

Ну и правильно. Когда перерублен позвоночник, по которому импульсы-команды от мозга передаются на лапы и туловище, много не навоюешь!

Выждав для порядка с минуту, Конан снова забрался на холку чудища. Для этого пришлось подняться почти на высоту его чресел. Выдернуть меч удалось только со второй попытки: а здорово он его всадил, разъярённый коварным трюком с языком!

Вот теперь, в более «спокойной» обстановке, варвар смог полностью оценить врага, с которым встретился на этот раз.

Длинное, и похожее на варанье, туловище. Нет, не крокодил, хоть формой и похоже. Пасть куда больше и шире, чем у варанов и крокодилов: сейчас, растекшись по земле, она на самом деле была даже шире, чем основное тело: фута три.

Зубки. Хм-м... Нормальные для варанов – треугольные, жёлто-белые, загнутые назад. Когти на всех четырёх лапах тоже загнутые, и длинные: дюймов по пять. Не хотелось бы попасть в такие... Ну а язык...

Сейчас, когда мышцы твари расслабила смерть, его обрубок свесился из полуоткрытой пасти, словно кусок какого каната: явно прочного и жилистого.

Подумав, Конан вернулся, и подобрал ту часть, где имелаась «присоска». Действительно: похоже на присоску. Чудовищно большую. Да ещё и обмазанную чем-то вроде клея: липкое и вязкое вещество. Интересно. Но вряд ли ему пригодится.

Так что отбросив обрубок, и обойдя труп поверженного врага, Конан просто...

Пошёл дальше!

Примерно в пятидесяти шагах от места, где тварь «взорвала» почву, выскочив на поверхность, Конан обнаружил и «входное» отверстие – яма, через которую монстра «забурилась» под поверхность луга.

А предусмотрительно. Не видя такого подозрительно выглядящего отверстия, про засаду и не подумаешь...

Конечно, мысль о том, что его «друг» может оказаться такой не один, заставляла Конана держаться насторожено, и стараться по траве ступать куда мягче, чем обычно: он прекрасно понимал, что находясь под землёй, в засаде, такие монстры ничего не видят. Но наверняка ориентируются на дрожание почвы под ногами или лапами будущей добычи.

К каковой варвар себя, естественно, не причислял.

Пока прошёл через пустошь до кромки новой рощи, а вернее – леса, встретил ещё двух подпочвенных, как он их для себя назвал, варанов. Но эти оказались помельче давешнего, и с ними киммериец расправился легко. И поскольку есть их мясо он не собирался, туши убитых так и оставил: в тех местах, где и прикончил.

Лес, а точнее, уже настоящая тайга из почти одних хвойных деревьев, показалась Конану даже более густой и плотно заросшей, чем тот, который он покинул на восходе дня. Да и сосны и ели возвышались на добрый десяток его ростов – матёрые и старые.

2. Тайный водовод

Дебри колючих кустов, усыпанных разноцветными: чёрно-фиолетовыми, красными, и оранжевыми ягодами, стояли куда выше его роста, и – неприступной сплошной стеной. Как ни странно, ни привычного папоротника, ни подлеска из тоненьких молодых стволиков не имелось. И поскольку настоящая монолитная стена из колючек тянулась в обе стороны насколько хватало взгляда, перед киммерийцем встала нелёгкая задача.

Не-ет, эти заросли – точно не просто так здесь появились! Кто-то должен был заморочиться, чтоб поставить перед незваными гостями такой заслон!

Который только круглый идиот посчитал бы выросшим сам по себе...

Почесав в затылке, и подумав (Ничего путного не придумалось!), Конан снова достал верный меч. Как ни крути, а прорубаться так и так придётся: кусты тянулись, казалось, бесконечно, и не выглядели в каких-нибудь местах менее густыми и низкими.

Рубить оказалось неподручно и тяжело: чёртовы толстые, почти в его запястье, основные стволы, у основания, конечно, перерубались. Но чтоб до них добраться, приходилось вначале долго и упорно бороться с массой отлично спутанных и пружинящих вторичных ветвей. И побегов.

Только через минут десять Конан приноровился: понял, что рубить лучше не сами веточки, а места, где они крепятся к основным стволикам. Там перерубать их оказалось возможным и с одного удара. Но к этому времени все руки и торс оказались исцарапаны, и покрыты листиками, и разноцветным, липким и густым, соком от чёртовых ягод. Заливавшим вместе с потом и глаза...

Однако только через час с лишним ему удалось-таки расчистить более-менее удобный проход в гущу тайги: пояс из приопушечных кустов оказался в добрый десяток шагов глубиной! А если учесть, что киммерийцу приходилось, пыхтя и ругаясь на всех языках Ойкумены, ещё и отдирать от неповреждённых зарослей, и вытаскивать наружу обрубленные ветви и стволики из прорубленного прохода, отбрасывая подальше, то вполне понятно, что он к концу такой непривычной работы и пропотел, словно ломовой тяжеловоз, и пропылился и «загрязнился» почище вьючного верблюда из пустынь Кофа... Хорошо хоть, никаких дам поблизости не имелось – иначе и от вида, и от ругательств Конана у них от брезгливости вытянулись бы губки, и от стыда уши в трубочку свернулись бы!..

Единственное, что утешало, что в этой тайге не имелось, вроде, никаких осинников и прочей ядовито-кусачей, летучей и ползучей мелюзги. Впрочем, Конан был готов и к сюрпризам почище насекомых: он уже понял, что неспроста тут имеются все эти, живые, или мёртвые, преграды.

Кто-то ну *очень* не хочет, чтоб люди пробрались к проклятому дворцу. Или даже к его руинам.

Пройдя вглубь чащи сквозь прорубленный с таким трудом коридор, киммериец невольно выругался. Снова вздохнул. Какой хитро...опый сын Неграла насадил здесь эти заросли?! Ведь они защищают новый лес куда надёжней и лучше даже, чем любые хищные звери. Типа тех же медведей или волков! А что самое плохое – если предположить, что даже если ему удастся разжиться в подвалах разрушенного дворца чем-то ценным, так ведь возвращаться – всё равно придётся!

А, значит, если он собьётся с той дороги, по которой сейчас идёт, придётся прорубать новый коридор. Убивать новых подпочвенных монстров-ящеров. И, вероятней всего, снова иметь дело с особо крупными и ядовитыми осами! Свинство!

Если у Конана и имелись определённые сомнения, то теперь-то они полностью рассеялись: кто-то там, на месте сожжённого дворца, поселился!

Кто-то очень не любящий непрощенных гостей.

И предпочитающий бороться с ними не с помощью традиционной для чародеев магии, а с помощью – *как бы* естественных препятствий! Чудовищно громадных и ядовитых ос. Огромных подпочвенных охотников-варанов. Явно специально выведенных и посаженных сплошняком зарослей колючих и неподатливых кустов. Можно подумать, что он – ослеплённый любовью принц, пытающийся добраться до героини старинной легенды – королевы Шиповничек...

Вот только осложнять свою вольную и весёлую жизнь с помощью, пусть и молодой, и прелестной, жены, варвару было совершенно не с руки! Настанет время – и он *сам* обзаведётся Королевой!.. И Королевством. И любовью он пылает не к прелестям абстрактной любимой – а ко вполне конкретным сокровищам: золоту, драгоценностям...

Ну а пока придётся подготовиться. К новым защитным барьерам от узурпатора, нагло поселившегося на «проклятых» землях, и тщательно поддерживающего у народов окружающих стран старинную байку о том, что земли – всё ещё прокляты!

Легенды. Кем-то, вот именно – тщательно подпитываемые...

А что – отличная защита! Даже покруче, чем пояс колючих кустов, на вырубку которого у обычного человека ушёл бы не один день. Или варанов и ос.

Вон, кстати, Мардук её раздери, и очередная «защита»: *стоит* напротив него, вздыбив шерсть на загривке, и злобно оскалив зубастую пасть!

Едва Конан выбрался на «оперативный простор» тайги, углубившись под своды чудовищно высоких крон, и отойдя от прорубленного коридора на буквально сотню шагов, как дорогу ему преградил медведь.

Да, он дорогу именно – преградил! Выбрался из-под корней какого-то поваленного заматеревшего ствола в три обхвата, где у косолапого явно имелась постоянная и хорошо оборудованная берлога. После чего, убедившись, что враг вовсе не намерен отступить или спастись бегством, встал, сердито посверкивая бусинами мелких для такой туши глазёнок, на задние лапы и угрожающе заревел. На весь лес.

Теперь если кто и не знал, что в «огороженной» тайге появился новый враг, так уж тут – точно догадался... Впрочем, варвару на это было наплевать. Как, собственно, и на почти полутонную тушу, возвышавшуюся сейчас на добрых полтора его роста над землёй.

Подумаешь – медведь! Да, пусть они и злобны, и коварны, и имеют огромные клыки и когти, это – всего лишь звери. Обычные. Может, только чуть более – как вот этот! – крупные и злобные. А не такой искусственно созданный, «комбинированный» монстр, как тот же варан с языком-присоской!

Конан глядел в бусины наливающих кровью глаз спокойно. Он даже меч не торопился вынимать. Ждал, что, может, до «хозяина тайги» дойдёт, что на этот раз ему попался враг, который ему не по зубам. Поскольку куда опасней и сильнее его самого!

К сожалению, не дошло.

Через десяток секунд демонстрации своего чудовищного роста, широченной зубатой пасти, и могучей груди, и грозного рыка, медведь устремился к стоявшему в десятке шагов варвару.

Вот только подниматься снова во весь рост, чтоб подставить под проникающий удар грудь и сердце, косолапый не собирался! А морда, насколько Конан знал, оснащена замечательно прочным черепом – такой не перерубишь даже при его чудовищной силе!

Конан не стал много мудрить: быстро ринувшись вперёд, изо всех сил рубанул чуть наискосок по широченной, с добрый бочонок, морде, сразу отпрыгнув вбок!

Правый глаз хищника оказался выбит – через него пролегла неглубокая (Череп!), но заметная по рассечённой шерсти и обнажившимся костям, линия удара.

Сила же самого удара отбросила вбок голову медведя, буквально заставив того уткнуться мордой в землю! Явно не ожидавший такого поворота дела зверь возмущённо заревел: на всю тайгу! И уж не так «скромно», как вначале, а во всю глотку! Однако попытки потрясти головой и даже потереть вырезанный орган зрения когтистыми лапами ни к чему не привели: зрение в выбитый глаз не вернулось!

Но нельзя было сказать, что медведь «вразумился»: снова злобно рычащая морда стала поворачиваться во все стороны, пытаясь теперь углядеть целым глазом и унюхать, куда делся столь подлый и дерзкий враг!

Конан не придумал ничего лучше, как, вытянув в сторону врага меч, сказать:

– Я здесь. Но помни. Придёшь – умрёшь!

Разумеется, медведь и не подумал внять угрозе. Или голосу разума. Отсюда Конан сделал вывод, что это – именно медведь, а не направляемая чужой чародейской волей марионетка. Впрочем, в этом он до конца уверен не был. Да, собственно, и какая разница: что «управляемый», что *не* управляемый медведь не становился менее опасным!

Конечно, в том, чтобы убить несчастное полуослеплённое животное, не было никакой доблести. Но и оставлять в тылу рыщущее по его следам и пылающее жадой мести чудище, было бы глупо. Тем более, что мишка словно сам провоцировал киммерийца прикончить себя: подставился. Встав снова на задние лапы, и двигаясь к варвару, размахивая передними, которыми явно привык ломать и крушить любую добычу, любого врага, и подставив удару грудь с бьющимся где-то внутри гигантским сердцем.

Где именно оно находится, Конан понял быстро. Снова ринулся вперёд с боевым киммерийским кличем! В проникающий удар вложил снова всю силу!..

Вынимая из уже остывающего тела свой верный меч, и отирая его о грязную, слезавшуюся местами бурую шерсть, Конан осматривался. Однако никто на «поддержку» хозяину тайги прийти не спешил. Или – ну очень искусно прятался: так, что даже варвар с его изошрёнными инстинктами и отличным зрением и слухом, ничего и никого не заметил. Так что спрятав меч в ножны, Конан подобрал снова с земли ногу косули, которая сильно полегчала, и суму. Подумал, не пригодится ли ему медвежья шкура. И запас медвежатины. Но ему не очень нравился её вкус. Да и жестковата эта дичина.

А если совсем уж честно – возиться было лень.

Так что он, обойдя мохнатую тушу, просто пошёл дальше.

Застывший на нём, словно панцирь, футляр из сладкого сока и пыли, делал движения крайне неудобными: словно шёл в каком корсете! Поэтому заметив первый же ручей, Конан снова сбросил наземь свои немудреные пожитки. Разделся. И залез в неглубокий поток, мирно журчащий по руслу шириной не более трёх шагов, и глубиной ему по колено. Верный меч киммериец захватить не забыл: вонзил в глинистое ложе потока прямо перед собой. Однако купание прошло спокойно.

Смыв все липкие и уже шелушащиеся, словно корочка на такыре, ошмётки, варвар, отфыркиваясь, выбрался на берег. Растёр тело мускулистыми ладонями. Выждал с минуту, пока оно обсохнет. Нормально. Можно одеваться.

На то, чтоб натянуть кожаные штаны и крепкие сапоги много времени не уйдёт.

Но в последнюю минуту варвар заметил своим изошрённым зрением, как в правом сапоге что-то исчезает, прячась в глубине.

Поэтому сапоги, перед тем, как надеть, он как следует вытряхнул и выбил.

Так и есть!

Огромный и явно ядовитый кивсяк! Отвратительная сегментированная многоножка длинной с его ладонь, имела защитную буро-чёрную полосатую раскраску, и для простого человека оказалась бы абсолютно незамеченной в полумраке чащи тайги! А вот если бы цапнула почти полудюймовыми ядовитыми челюстями за ступню – это бы точно оказалось замеченным! Ну,

и «ощущения» ощущались бы до тех пор, пока яд не разошёлся бы по всему телу, и человек, получивший такой укус, в ужасных муках и корчах не распрощался бы с жизнью!..

Конан от души треснул по противной многоножке каблуком сапога: та развалилась на две половинки. Но и не думая погибать, эти половинки весьма шустро учесали в лесную подстилку из опавших сухих игл, жёлтых листьев, и мха. Конан в очередной раз почесал в затылке.

Снова снял штаны, вывернул их наизнанку. Ах вы ж гады!

Точно: вот они: лесные блохи! Оккупировали швы в районе паха!

Пришлось незваных нахлебников выбить о ближайший ствол. Вот теперь штаны проверены. И безопасны. Конечно, вряд ли блохи – тоже ядовиты, но если б ночью покусали в... Ну, том месте, которым киммериец особенно дорожил, сражаться с новыми врагами и препятствиями адекватно он не смог бы! Потому что всё время остервенело чесал бы укусы!..

Муравьёв с многострадальной ноги косули Конан сбивал почти нежно: хотя бы они не пытались навредить ему. Впрочем, кто их знает. Мало ли!

В том, что здесь с ним ведут борьбу «нетрадиционными» методами, он уже понял.

Идти по тайге было, если честно, нетрудно.

Здесь, в её чаще, уже не было странных стен из колючих кустов, а всё больше привычные папоротники, мох, да тоненькие стволики подлеска. Хотя росли, конечно, и ежевика, и голубика, и смородина. И малина. Но всем им было очень далеко до тех сверх-гигантских кустов, что охраняли опушку: так, мелочь пузатая...

Направления Конан держался прежнего, иногда делая на особо матёрых и толстых стволах зарубки – пытался обеспечить себе лёгкое нахождение своей «просеки». Хотя как знать: пойдёт ли он обратно этой дорогой? Или придётся выбираться с обороняемой территории другим путём? Ладно: там видно будет!

Через примерно два часа солнце поднялось в зенит, и он увидел свой обед: под большим дубом паслось три поросёнка. Малышами их назвать было трудно: каждый был длиной с добрую овцу, и в высоту почти достигал его колена. Стало быть – не сосунки. И от материнской груди, скорее всего, уже отняты. Об этом же говорит и отсутствие поблизости какого-нибудь опекающего юнцов заботливого родителя. Вот и хорошо.

Поскольку лук Конана вышел из строя, сломавшись (Конан удивился, как получилось, что надёжное и проверенное оружие вдруг переломилось посередине на второй день похода! Но при внимательном осмотре оказалось, что его середина буквально испещрена ходами жучков-древоточцев! Не иначе – и тут – происки вредоносного захватчика!), пришлось метать кинжал. Ну а поскольку рука была верна, и глаз меток, средний кабанчик, особо удачно повернувшийся боком, пал, поражённый с двух десятков шагов подкравшимся абсолютно бесшумно варваром. Снова визг на весь лес!

Двое его товарищей, тоже возмущённо-испуганно завизжав и захрюкав, ломанули в чащу. Конан выждав для порядка с минуту, убедился, что никто на визги и агонию раненного не реагирует, вышел из укрытия. Подошёл к поверженному травоядному. Выдернул глубоко, по самую рукоять, вошедшее в бок в районе сердца, оружие. Отерев, засунул снова за отворот сапога. Поросёнок, если так можно назвать годовалого подростка, уже затих.

Конан, взглянув ещё раз на небо, передумал идти дальше с тушкой на плече.

Вместо этого он снова набрал валежника. Развёл костерок. Да и занялся потрошением небольшой туши, и нарезанием очередной порции шашлыка.

Через час, доев, и загасив тлеющие угольки подошвами сапог, варвар оставил на мшистом бугорке многострадальную и освежёванную практически до кости ногу косули: вот вам, муравьи! Теперь никто вас с неё не прогонит. Да и пованивать стало мясо.

Ещё бы! Он убил обладательницу окорока два дня назад! Провялить нет времени. А просолить – нету у него столько соли!..

Дальше по тайге он пробирался почти час. И выбрался к очередной прогалине.

Вот теперь он понял.

Что наконец добрался до легендарного места, где когда-то возвышался королевский замок: на холме за обширным лугом, в добрых двух милях, имелись явно каменные, почерневшие от времени, руины. Ну как руины: набросанные тут и там в хаотическом беспорядке огромные каменные глыбы, даже отдалённо не напоминавшие что-то упорядоченное. В виде строения.

Однако направляться прямо туда, к ним, Конан не спешил.

Двигаясь вдоль опушки и не выходя из-под прикрытия деревьев, он прошёл с милю: туда, где имелся отличный крутой овражек, проложенный выбиравшимся из леса ручьём, едва доходящим сейчас, в разгар знойного лета, ему до лодыжки. И проходившем в какой-то паре сотен шагов от остатков замка. Конан мог бы поспорить, что именно из этого ручья в давние времена и запитывался крепостной ров, до сих пор различимый под травой в виде большой круглой ложбины.

Пригибаясь, чтоб не высовываться из-за кромки овражка, варвар двинулся вперёд, шагая прямо по воде: он был по горло сыт подпочвенными крокодилами, ядовитыми кивсяками, блохами, и медведями, которые запросто могли ждать его на открытом пространстве луга. А тут – вода всё-таки. Скрывает и запах, и следы...

Когда добрался до места, откуда можно было перебраться через бывший крепостной ров к руинам, долго всматривался и вслушивался. Однако ничего подозрительного даже его изощрённые чувства и инстинкты не говорили. Вот и славно. Вперёд!

Правда, пока не совсем всё же – вперёд. А, скорее, – в обход!

Обходить по кругу так называемые руины, держась наружного откоса бывшего рва, Конан старался неторопливо. Придирчиво выбирая на каждом шагу, куда поставить ногу: только капканов или ловушек ему не хватало!

К концу обхода, занявшему добрых полчаса, он убедился только в одном.

Никакие это – не руины бывшего замка!

Просто кто-то не поленился вырыть неглубокую, но широкую, чтоб выглядела как оплывшая от времени, траншею, положить внутрь полученного круга несколько гигантских булыжников и осколков скалы, и надеяться, что идиот, купившийся бы на такие декорации, потратит кучу сил и времени, пытаясь начать копать, и что-то отсюда вырыть...

А выдало подставной замок то, что этот искусник-декоратор не позаботился придать камням хотя бы видимость былой обработки! И оставить следы от извести, которой обычно и скрепляются камни в кладке! И сомневаться в том, что это – просто скалы, перенесённые сюда, пусть и давно, никогда не являлись частью стен, не приходилось.

Сплюнув, и больше не пытаясь прятаться, киммериец двинулся дальше.

Направление его движения почти совпадало с направлением течения ручейка.

Но теперь Конан шёл, не спускаясь вниз, а прямо по невысокому берегу. Поэтому запруду в русле увидел издали: шагов с трёхсот. А о том, что впереди его ждёт что-то в этом роде, он догадался по увеличению глубины воды, и более спокойному и плавному её течению.

То, что это именно – сооружённая кем-то запруда, сомневаться не приходилось: толстые столбы, на которых она держалась, шли, пересекая русло, правильным частоколом, тщательно переплетённые какими-то лозами. А когда киммериец подошёл поближе, стало видно и массивную, полого уходившую под воду, дамбу из земли, повышавшей уровень крохотного, в общем-то, ручья – до почти его роста! Настоящее озеро! Ну, или водохранилище. Карликовое.

Потому что берега ручья шире не стали.

Однако кто-то же для чего-то эту дамбу построил. И нужно усилить бдительность.

Причину строительства дамбы Конан обнаружил довольно быстро, подойдя к запруде на десяток шагов.

Примерно в двадцати шагах от ряда вбитых в ложе ручья стволов на поверхности спокойной в остальном воды имелась воронка. Словно здесь поток уходил в какую-то подземную трубу! Невидимую отсюда. Но забиравшую почти всю воду: дальше за запрудой в полусухое русло стекали только жалкие струйки.

Хм-м...

Конан забрался на небольшой бугор, имевшийся на берегу ручья. Вот так, чуть сверху, все неровности и детали местности отлично видны!

Есть!

Вон она – уходит в сторону ничем, вроде, не примечательного участка луга, неглубокая, и сплошь заросшая чуть более густой и тёмной травой, еле заметная в плоской поверхности равнины, впадина.

Всё ясно: кто-то проложил тут глубокую канаву, уложил на дно длинную и толстую трубу, и засыпал назад вынутым грунтом! И если б не свойства этого самого грунта, это запросто прошло бы незамеченным! Ну а благодаря тому, что вынутый и уложенный назад в яму грунт никогда не ляжет так, как лежал, предательские следы всегда останутся. Хотя бы те, что сейчас демонстрирует более густая и высокая трава: значит, почва над трубой увлажнена сильнее окружающего луга.

И, следовательно, труба – хоть чуть-чуть, но – пропускает...

Не мудрствуя лукаво, Конан двинулся вдоль русла трубы, не забывая внимательно оглядываться и вслушиваться. Но пока кроме трелей жаворонка, стрекотания цикад и зуда от роевания над головой вездесущих мошек, норотивших залезть ему в уши, слышно ничего не было. Да и хорошо. Уж эти-то, привычные, звуки, не отвлекали, и скрыть какие-нибудь посторонние шумы или шорохи не смогли бы.

К люку в холмике Конан подошёл буквально через четверть часа.

То есть – то, что это люк, под которым имеется вход в какое-то подземелье, он не увидел, а догадался. Большой, примерно в его рост, прямоугольный кусок земли был покрыт чахленькой и отличавшейся по цвету от остальной, травкой. Ну а что может скрываться под такой маскировкой?

Правильно: люк над входом в подземелья! И если б не конец лета, и не яркое солнце, подсушившее траву, высаженную над этим люком, он бы точно ничего не заметил.

Э-э, нет: заметил бы.

Потому что след от трубы обрывался всего в десяти шагах от этого места, и догадаться, что именно здесь труба заканчивает свою работу по доставке воды в предназначенные для неё резервуары, или подземные капитальные водоводы, было нетрудно.

Конан не придумал ничего лучше, как поддеть мечом слой подсыхшего дёрна над люком. А потом и полностью подрылся под него. Свернуть, словно матрац, маскирующую подстилку, удалось легко. Так же как и поддеть мечом и распахнуть настежь имеющийся под ней длинный но узкий люк из металла, не оснащённый даже ручкой или запором.

Когда люк открылся, оттуда пахнуло на варвара сыростью, плесенью и холодом.

Хвала Крому, никаких чудищ или врагов из лаза не вылезло. Но Конан не обольщался. Похоже, внутри будет не слишком приятно. Кто бы там не засел, на «тёплый» и радушный приём вряд ли стоит рассчитывать... Учитывая ос, варанов, и кусты.

Конан покопался в суме. Вот он: приготовленный как раз для таких случаев, масляный светильник. Много места не занимает, почти не коптит, и куда удобней факелов: гореть может несколько часов. Насколько хватает заправки масла. А его «кошачьему» зрению вполне хватает и той крохотной искорки света, что даёт такая лампа.

Зажечь же её – дело пары минут.

После этого, не закрывая за собой тяжёлый, весящий, наверное, не меньше, чем сам киммерец, люк, варвар двинулся вниз, по склизким и оплывшим от сырости и времени, земляным ступенькам. Которые через несколько метров спуска превратились в каменные. Но лестница всё так же спускалась куда-то вниз и вниз.

Естественно, спуск, длившийся минут пять, не привёл его в подземелья Мардука (Там должно быть куда жарче!). Он просто перешёл в ровный горизонтальный узкий – только-только пройти, не поворачиваясь боком! – коридор, стены и потолок которого состояли из настоящего сплошного камня. Невооружённым глазом заметно было, что кто бы его не проложил, красота в виде выровненных гладких стен и правильности арочного свода его заботила в последнюю очередь! Неровные грани и выступы отсвечивали Конану в глаза, заставляя щуриться, и видно, что находится там, в конце коридора, было плохо.

Однако через пятьдесят шагов он выбрался к чему-то, что принял за перекрёсток-развилку. Влево, вправо, и далее – прямо, уходили ещё коридоры. Тоже не слишком аккуратно обработанные, но чуть более широкие. Понюхав воздух, и посмотрев, откуда дует на огонёк его крошечной копилки ветер-сквозняк, Конан решительно свернул в левый. Тем более, что на стене этого коридора имелось что-то вроде высеченной в камне надписи на неизвестном Конану языке. Интересно.

Однако не прошёл он в сторону надписи и десяти шагов, как каменный, и казавшийся до сих пор незыблемым, пол, вдруг провалился под его ногами на протяжении добрых десяти футов, и варвар рухнул вниз – в темноту!..

Он ругал себя последними словами: утратил бдительность, расслабился, отвлёкся на чёртову надпись, наверняка для этого только и предназначенную, и вот – нате вам! Не дай Кром, внизу – острые пики!..

Приземлился, правда, мягко. Хотя правильной было бы сказать всё же – приводнился. Конан, подняв фонтан брызг, грохнулся с высоты двух своих ростов в воду, доходившую ему до груди!

К чести киммерийца нужно сказать, что меч он выхватил ещё в полёте, и масляную копилку из руки не выпустил! Так что когда массивные плиты над головой неторопливо, и с громким скрипом и скрежетом, закрыли отверстие, через которое варвара предательски сбросили сюда, в эту ловушку, в темноте он не остался.

Однако словно бы давая понять незваному гостю, что ему здесь не рады, в каморку десять на три шага, в которой он очутился, начала вливаться вода: похоже, сработавший люк подал сигнал на какие-то затворы. Поступала вода через забранное толстенными стальными прутьями квадратное отверстие на высоте его груди. И пусть она лилась не толстой струёй, а, скорее, небольшой струйкой, сомневаться в конечном итоге не приходилось!

Ну вот он и оказался в положении крысы, которую собираются утопить!

И сейчас его дела куда хуже, чем когда он оказывался лицом к лицу с конкретными врагами! С водой-то – не больно повоюешь! Как и с кустами... Знакомый почерк!

Но надо срочно что-то придумать!

Иначе окажется скоро его буйная головушка под водой, и закончится его карьера будущего Короля, ещё не успев начаться!

3. Лабиринт

То, что вода действительно подаётся из того самого ручейка, Конан понял сразу. И по вкусу, и по запаху: струйка однозначно была оттуда. Интересно: куда маг, или кто тут живёт, деваает остальную воду? Потому что жиденский поток, который лился в каморку, наполнил бы помещение до потолка не раньше, чем через сутки!

Впрочем, это не повод расслаживаться тут, тем более – по грудь в воде.

Нужно действовать!

Но как?!

Он поставил на карниз, образованный входящим к нему квадратным в плане лазом-водо-водом, свою коптилку, чтоб высвободить обе руки. Благо, вода лилась только с одного его края, там, где имелся как бы жёлоб. Теперь – внимательно осмотреться.

Попробовав несколько раз в разных местах подняться по стенам наверх – к створкам предательской ловушки, Конан вынужден был отступить: стены оказались покрыты на добрый палец предательской плёнкой: воняющей плесенью и жутко скользкой!

Простукивание и прощупывание чёртовых осклизлых стен тоже ничего не дало: никаких пустот, или щелей в монолитной кладке!

Ну а как обстоит дело с его «окном»?

Ширина лаза, и его наклон под небольшим углом позволили бы ему пролезть...

Если б не прутья!

Прутья были вмурованы в стены капитально, и сами оказались весьма толстыми: с добрый дюйм! Расстояние же между ними не превышало шести дюймов – ширина его ладони.

Но просовывать наружу только руки варвар смысла не видел. Остальное-то тело – точно не пролезет. Вот если бы удалось выдернуть... Или хотя бы согнуть один из прутьев! И поскольку никаких «скрытых» или тайных ходов из вонючей затопленной мышеловки явно не ведёт, (Иначе вода перед его «прибытием» стекла бы вся!) придётся заняться как раз прутьями: Конан уже приглядел себе один, в середине. Уже, похоже, кем-то немного расшатанный и чуть погнутый.

И сейчас он поковырял его почерневшую поверхность кинжалом, пытаясь снять имевшуюся и здесь слизь. Место соскрёба засветилось красноватым отливом. Неужели?!

Точно. Прутья, при ближайшем и внимательном рассмотрении, оказались из меди!!!

Это окислившаяся сверху чёрно-зелёная корочка не давала увидеть красно-золотистый цвет металла!

Ха! Ну и идиот этот маг! Ну, или строитель этой конуры. И пусть медь и действительно не гниёт и не ржавеет в сырости, как со временем наверняка бы произошло со сталью, зато она в несколько раз менее прочна! И, несмотря на грозный вид, согнуть такой прут должно быть не так уж трудно! Особенно – ему!

Конан, взявшись обеими руками за чуть изогнутый прут в середине окна, залез ногами на стену. Упёрся ими в окантовку отверстия. И что было сил потянул!

Но прут, понятное дело, так просто не сдался. И вылезал из своих гнёзд и гнулся очень медленно.

Конану пришлось два раза переставлять ступни в сапогах, отдыхать, и снова собираться со своими нечеловеческими силами, и тянуть, тянуть, чтоб чёртов прут вылез из пазов и согнулся настолько, чтоб в образовавшуюся дыру можно было пролезть. Хорошо, что его коптилка мирно горела, и ручеек воды так же мирно тёк, не мешая ему, пока он пыхтел и надрылся.

Но вот дыра готова.

Конан не сомневался, что если б не его фантастические и уникальные мускулы и возможности, никогда бы он не согнул этот прут. А для нормального человека это явно нереально!.. Вот ведь гад этот строитель! Придумал специально эту пытку. Чтоб человек, оказавшийся в этой ловушке, часами мучился, наблюдая, как вода неумолимо прижимает его всё ближе к несокрушимому потолку, рыдал и метался в отчаянии, понимая, что конец неизбежен. Пытаясь, пока это возможно, просунуть в щель между прутьями хотя бы голову, и ругаться, что, кажется вот-вот – и!.. А голова наверняка так и не пролезет. И придётся всплывать, и барахтаться, поддерживая тело на поверхности.

И рано или поздно наступит мучительный конец – голову прижмёт к створкам ловушки, и вместо воздуха в лёгкие хлынет вода...

Повздыхав, повесив назад на плечо свою вымокшую многострадальную суму, и выбравшись в наклонный лаз, Конан поднял свою копилку, и, упираясь обеими ногами в осклизлые стены прохода (Благо, расстояние между ними не превышало шага!), пополз наверх. К сожалению, промокший насквозь, и теперь весящий не меньше сорока фунтов плащ из отвратительно вонявшей невыделанной шерсти пришлось оставить внизу: он не позволил бы свободно двигаться. И, в случае нужды, обороняться.

Холодная вода струёй втекала к нему в штаны, чавкая и под его грудью, а в сапогах мерзко хлюпало. Но он терпел, и лез, понимая, что раньше, чем он доберётся до сухого места, ему не выжать штанов, и не вылить воду из сапог. А грудь высохнет и сама. Тем более, что примерно через пару минут подъёма текущая струйка исчезла в боковой трубе, размером не позволившей бы пролезть и кошке. Конан с радостью убедился, что ход наверх продолжается без изменений, и ползти по сухому и нескользкому куда удобней.

К счастью, проход оказался недлинным: спустя ещё пару минут он выбрался в какой-то обширный зал: потолок терялся в темноте в свете его крохотной лампадки, а до противоположной стены было не меньше двадцати шагов!

Убедившись, что из четырёх проходов в торцах зала, расположенных крестообразно, никто пока не появился, чтоб на него напасть, Конан занялся своим гардеробом.

Вода из сапог образовала приличную лужу. К ней добавилась и та, что получилась из выжатых штанов.

С сумой оказалось посложней: Конану пришлось расстаться со всем запасом превратившихся в липкую неаппетитную массу сухарей. Сухофрукты, размочалившиеся в ошметки и труху, он тоже выбросил. А вот вяленое мясо оказалось подпорчено не столь сильно: если разложить на солнце хотя бы на пару часов, оно снова станет пригодным к употреблению в пищу. Но это – на крайний случай.

Потому что Конан уже не сомневался, что тот, кто поймал его в крысоловку с водной пыткой – человек. И, значит, нуждается тоже – в пище. А значит – Конан доберётся до его припасов! Чтоб пополнить то, что утратил из-за купания.

Предварительно, конечно, убив вредоносного и мерзкого нелюдима. Пытающегося воевать с врагами не лицом к лицу, как положено порядочному, пусть даже злому, чародею, а – хитрыми, подлыми, и как бы – косвенными методами!

Выжав и по возможности протряхнув от воды своё остальное немудрёное имущество, Конан двинулся осматривать зал.

А ничего необычного, или сверхъестественного. Зал как зал. И если в центре его поставить несколько столов и длинных скамей, а вон в те держак навтыкать горящих факелов, вот и получился бы вполне привычный пиршественный, или парадный, зал замка!

Где грозный король мог бы пировать с дружиной, или придворными, или принимать высоких гостей. Или послов иностранных держав. Вон: у одной из коротких стен даже есть возвышение из пяти ступеней. Похоже, на нём-то как раз и стоял трон!

Хмыкнув, Конан подошёл к возвышению. Понимал, что как раз обычно за тронем и его помпезно-шикарным обрамлением в виде занавесей, драпировок, и гобеленов, скрываются маленькие потайные дверцы!

Ведущие или в тайные покои, или...

В сокровищницу!

Дверца и правда нашлась.

Однако она оказалась из толстых, окованных медными полосами, дубовых досок.

Доски, к сожалению, не сгнили. Так что пришлось снова спускать с плеча любимую суму, лезть в потайной кармашек, и нащупывать знаменитые Конановские отмычки, с которыми он ограбил уже не одну сокровищницу власть предержащих, или просто – богатых купцов. Пожалуй, вот эта подойдёт к вот такой замочной скважине...

Замок, разумеется, заржавел, и пришлось, открутив крышечку, окунуть отмычку в отверстие в его копытке, чтоб масло попало и в механизм замка. Однако тот так просто не сдался. Только через минуту осторожных манипуляций Конан услышал долгожданный щелчок. Он удовлетворённо крикнул, и, отступив на шаг, вытащил меч.

Вот теперь можно и дверь толкнуть!

Хотя, разумеется, он не ждал, что кто-то останется жив без пищи и воды более двухсот лет в тёмном и сыром помещении, осторожность не повредит. Может, тот, кто сейчас скрывается от него в каких-то неизвестных пока недрах этого подземелья, выставил какого-нибудь неожиданного Стража и здесь!

Никто из отверзшегося перед ним небольшого прямоугольника не появился, и Конан, пригнувшись, шагнул за порог, держа в вытянутой руке копытку.

Ну, что сказать.

Пустышка.

Комнатёнка, оказавшаяся перед его взором, была действительно крохотной: два на два шага. И в дальнем углу Конан заметил отверстие в каменном полу, размером как раз с такое, что можно было удобно... Всё ясно.

Туалет для его Величества. Чтoб быстренько справлять нужду, никуда не уходя с торжественных приёмов и пиршеств. Но неужели так всё просто?!

Однако самый пристальный осмотр, простукивание стен и пола, показали полное отсутствие скрытых дверей и потайных ходов: везде монолитный камень!

Разочарованный, Конан вылез снова в большой зал.

И вовремя!

Из одной из галерей доносились становившиеся всё громче звуки! Ошибиться было невозможно: кто-то приближался к киммерийцу! Кто-то двуногий, явно – в сапогах, и, судя по походке – спешащий. Человек.

Конан поднял свой светильник, который держал в левой руке, повыше, и отвёл чуть назад – чтоб блики не попадали в глаза. Меч, который держал в правой, варвар направлял всё ещё остриём в пол. Вскинуть всегда успеется! Посмотрим: может, с ним не будут воевать, а собираются провести переговоры? Иначе – зачем идти вот так: в открытую?!

Вошедший действительно оказался человеком.

Высоким, на вид – средних лет. Смоляная борода аккуратно подбрита, чёрные же усы и кудрявые волосы, уверенный взгляд чёрных глаз. На губах – даже улыбка. Одежда – королевская. Роскошная. Вот только короны на голове нет.

Дав киммерийцу рассмотреть себя, и убедиться, что ни в холёных бледных руках, ни за поясом никакого оружия нет, незнакомец сказал:

– Приветствую тебя, Конан-киммериец. Не скажу, что рад видеть. Но вынужден принять тот факт, что мою пассивную защиту ты преодолел. Следовательно, являешься сильным противником. До тебя это сделать не удавалось ни одному воину.

Конан пожал плечами:

– И – что? Это признание должно польстить мне?

– Ну... Вероятно, да. Правда, я слышал о твоём сильно раздутом, если позволишь так сказать, самомнении, и не удивлён твоим хамством и наглостью.

– Это где ты увидел хамство и наглость?

– Ну, как же! Ты вломился в моё жилище без приглашения, через чёрный ход. Ты согнул и выломал прут из окна моей камеры ожидания. Ты поубивал несколько моих наружных Стражей. Словом, делал всё, что порядочному гостю делать не положено.

Конан от такой дерзости на некоторое время утратил дар речи. Однако нашёлся быстро:

– Начнём по порядку. Жилище – не твоё. Оно принадлежало королю Оврингу, и любой человек не имеющий отношения к его династии – наглый узурпатор. Все народы и соседи, живущие вокруг этих земель, утверждают, что они – прокляты. И свободны. Уже два века. Ты своих прав на них не предъявлял никому из этих соседей, следовательно – ты сам никто здесь!

Далее. Твоих «стражей» я убил только потому, что они напали на меня. Первыми.

Ну а прут я выломал тоже – только для того, чтоб сохранить свою жизнь.

Теперь какое-то время молчал вошедший. Затем сказал:

– В-принципе, ты где-то прав. Я не официрую широко того, что уже сто пятьдесят лет живу здесь. И сам тщательно поддерживаю у соседей легенду о том, что здесь так никто и не поселился, а проклятье всё ещё действует. Однако!

Ты мог бы догадаться о том, что место всё же не пусто, ещё на подходе к моим владениям. По преградам и Стражам! Ведь ты достаточно умен. И должен был понять, что просто так, сами по себе, такие преграды и Стражи у тебя на пути не появятся! Следовательно, их *кто-то* выставил. А значит – эти земли – заняты!

Ну а главное – я вполне *законный* наследник всех этих земель. И родового замка. Вернее – его остатков. В виде подвалов и подземелий.

Я – правнук великого Овринга. Моё имя – Никосс. А отца моего звали Питер, и он, к сожалению, присоединился к моим деду и прадеду – там. На небесах.

– И как же тебе удалось так хорошо сохраниться спустя... Гх-м!.. Сто пятьдесят лет, уважаемый Никосс?

– А очень просто, уважаемый Конан, – пришедший проигнорировал издёвку, прозвучавшую в голосе варвара, – Я – чародей. И научил меня магии мой учитель. Стигиец. К сожалению, продлевать жизнь я выучился только после того, как мои славные предки вознеслись на небо.

И теперь они наблюдают за мной из чертогов Митры Пресветлого – король Овринг, его сын Ботурра, и его внук Питер.

Конан невольно почесал свой многострадальный затылок.

Бэл его задери!

Похоже на правду. Особенно в той части, что этот Никосс – чародей.

Но как тогда быть с сокровищами?! Получается, этот человек – их законный владелец! И попытки Конана забрать их – незаконны.

Впрочем, когда это его останавливало?!

– Хорошо, уважаемый Никосс. Предположим, ты – действительно чародей, и правнук великого Овринга. Почему же ты сейчас не пытаешься убить меня, наглого вора и грабителя, пришедшего покуситься на твою фамильную собственность?

– Объясню. Во-первых, я не собирался тебя вот так, сходу, убивать. Я шёл взглянуть на тебя в гостевой камере, чтоб решить, можешь ли ты быть мне полезен. И, может, мне стоит оплатить твои возможные услуги. Ты ведь – наёмник? Профессионал?

Но ты решил, что ожидать меня в ней ниже твоего достоинства! – Конан только фыркнул, но Никосс снова не обратил на это внимания. Или сделал вид, что не обратил, – И я поражён твоими талантами и способностями – как воровскими, так и в качестве воина. И мне было бы искренне жаль, если б такой... э-э... во всех отношениях достойный муж погиб ни за что ни про что в моих подземельях.

Ведь там, за пределами моего королевства, ты мог бы совершить ещё много славных подвигов. И даже со временем завоевать себе своё, так сказать, персональное, королевство. Это вполне меня устроит. И я готов тебя просто... Отпустить.

Если ты дашь слово киммерийца не пытаться больше проникнуть сюда, чтоб добраться до нашей фамильной сокровищницы. И, разумеется, никому не скажешь о том, что я теперь здесь живу и правлю!

– И кем же это ты тут правишь?! – в голосе Конана звучала неприкрытая ирония.

– Ну, пусть и не людьми, но уж поверь – ничуть не менее интересными существами. – чародей в очередной раз пропустил эту иронию мимо ушей, – Но мне крайне нежелательно, чтоб о моём правлении знали там, за пределами моих границ!

– Хорошо. Предположим, я дам тебе такое слово. И – что?

– И я позволю тебе уйти отсюда. Невредимым. И даже забрать с собой...

– Что?

– Не что, а – кого. Тут у меня томится в темнице одна очень настырная и глупая особа. Красивая и молодая, но очень, очень, повторяю – глупая. Так что если ты заберёшь её с собой, мне не придётся больше заботиться о её пище, одежде... И охране. И в обмен на эту услугу я даже готов выплатить тебе компенсацию. – Никосс запустил руку в складки своей королевской мантии, и достал оттуда ладонь с пригоршней сверкающих самоцветов, – Вот. Здесь только самые крупные и безупречные драгоценности из нашей сокровищницы: рубины, алмазы. Сапфиры и изумруды.

Рука Конана снова потянулась к затылку, но он смог удержать её на полдороге:

– И ты дашь их мне просто – если я соглашусь уйти, и забрать с собой эту твою... Пленницу?

– Да. Объяснять не буду. Но пока ты будешь путешествовать с ней до её дома, или того места, где сочтёшь нужным её оставить, ты сам поймёшь, что *это*, – чародей снова приподнял ладонь с блестящими камнями, – возможно, даже недостаточная... Компенсация.

Конан криво усмехнулся. Понять, до какой степени невыносимыми, сварливыми, и надоедливими могут быть некоторые представительницы женского пола, он вполне мог!

– Что? Так много болтает? И вечно в претензиях?

– Это ещё слабо сказано, Конан. Рот у неё не закрывается, по-моему, даже во время сна! А уж чего ей надо!.. Проще сказать, чего ей *не* надо. Ну, сам понимаешь – молодость, бескомпромиссность... Если согласишься на эту работу – и сам поймёшь!

– Но как же она попала к тебе?! Ведь пройти твои ловушки, и преграды, и Стражей – очень тяжело!

– Да. Но я соорудил, перенастроил и построил большую их часть как раз после того, как эта особа попала ко мне во дворец. Именно для того – чтоб обезопасить себя на будущее. От подобных визитов. Дело в том, что почти все мои ловушки и Стражи были настроены только на мужчин! И она сумела воспользоваться этим. Ну а потом уж я насадил стену из кустов...

Их – не обманешь! И не обойдёшь.

– Хм-м... – Конан в задумчивости покачал головой. С такой ситуацией ему ещё не приходилось сталкиваться. Может, ловушка?! – Ну хорошо. Предположим, я соглашусь. И действительно выведу эту особу за пределы твоих земель. Но кто помешает ей попытаться снова проникнуть сюда, когда я её оставлю одну?

– Не кто, Конан, а – что. Я восстановлю прорубленный тобой проход в кустах, едва вы выйдете за него, укреплю его, и уж не сомневайся: ни одна женщина проникнуть сквозь широкий пояс колючих и очень крепких кустов больше не сможет!

– Что ж. Звучит заманчиво. Но в чём подвох?

– Конан. – чародей имел такой вид, что возмущён подозрительностью «гостя», – Поверь. Тебе достаточно будет пообщаться с моей пленницей часа два, и ты сам захочешь как можно скорее вывести эту даму за пределы моего королевства, оставить её в каком-нибудь городке, или посёлке, и бежать от неё со всех ног! Если только к тому времени не обзаведёшься добрым конём. Тогда ты ускачешь!

– Вот, значит, как... А почему бы тебе просто... Не убить её?

– Я... Не могу, Конан. Ведь она – моя внебрачная дочь!

Конан некоторое время молчал, обдумывая ситуацию.

Ясное дело, что убить собственную дочь, если сильно (Что очень похоже!) любил её мать, невозможно. Но эта мать наверняка была простолюдинкой – а, значит, официально признать такое дитя сын короля не может. Как и жить с ней в одном подземельи.

С другой стороны – дочурка явно заявила сюда не только «качать права», но и за положенной долей сокровищ. Фамильных. Похоже, они с матерью не процветали...

– Вот что, уважаемый Никосс. Давай обговорим условия нашей сделки поконкретней. Я вывожу твою дочь за пределы твоего королевства, граница обозначена стеной из колючих кустов. – чародей кивнул, – Затем я доставляю её в какой-нибудь городок или посёлок, – чародей снова кивнул, – Или уж – до дома. Или, если это окажется слишком, – Конан выделил тоном это слово, – сложно – устраиваю в любом попавшемся постоялом дворе, и... Быстро куда-то убегаю! Предоставив женщину – саму себе. Правильно?

– Да. Правильно. Разумеется, кошелек с золотыми монетами на первое время для неё я отдам тебе. А ты дашь его ей, когда будешь прощаться. Или до этого – как тебе будет угодно и удобно. Ты человек чести, и я не сомневаюсь, что не захочешь оставить его себе. Впрочем, если тебе потребуется потратить часть денег на неё и её обустройство – смело пользуйся этими деньгами! Я уверен – лишнего ты никому не заплатишь!

– В этом ты прав. – Конан невесело улыбнулся, – Но кое-что меня в нашей сделке не устраивает.

– И что же?

– Размер платы.

– То есть?

– То есть – одна горсть драгоценностей за сомнительное удовольствие провожать, а, скорее – тащить на плече упирающееся и визжащее существо женского пола, выслушивая оскорбления и угрозы – мало.

– Хм... Смотрю, у тебя уже имеется весьма правильное представление о предстоящей миссии... Но добавить могу только ещё одну горсть!

– Согласен. – Конан посчитал, что и так достаточно много выторговал за сравнительно простую, как ему сейчас представлялось, миссию, – Пусть будет две горсти.

Ну а сейчас давай их сюда, в суму, и показывай девушку.

4. Девушка

– Следуй за мной.

Чародей повернулся и двинулся тем же путём, что и пришёл сюда. Конан, не придумав ничего лучше, пожал плечами, и действительно двинулся следом за Никоссом, вскоре поравнявшись с ним. Чародей, казалось, ничего не имел против того, чтоб варвар шёл рядом. А Конан, помня предыдущие, не слишком приятные, встречи с магами, предпочитал руки чародея видеть всё время...

Они вышли в длинный коридор, затем повернули в поперечный, свернули ещё в один. Иногда по бокам попадались двери: явно тяжёлые, из толстых дубовых досок, окованные медными полосами. Здесь, возле каждой такой двери, как ни странно, в держак по стенам имелись и горящие ослепительным, особенно после масляной коптилки, пламенем, почти не дававшим копоти, факелы. Конан, дунув на свою верную помощницу, спрятал её назад – в суму.

Вдруг на его глазах взамен выгоревшего факела откуда-то из глубины коридора, прилепел, и встал в держак, свежий, ярко горящий факел. Погасший улетел в конец коридора... Волшебство, будь оно неладно!

Конан хмыкнул. Никосс, тоже хмыкнув, сказал:

– Она – не видит в темноте, как я. То есть – не чародейка. Поэтому, чтоб её глаза не повредить, я и устраиваю здесь освещение. А у неё в камере – и вообще дневной свет.

– Значит, ты иногда выпускаешь её... погулять?

– Ну да. Почти каждый день. Нужно же девушке двигаться! А то поправится. В-смысле – растолстеет. И не сможет нормально выйти замуж. Там, наверху.

– Смотрю, ты всё же любящий отец.

– Конан. Не нужно иронизировать. Вот когда у тебя будут свои дети... Особенно – дочери – сам всё поймёшь!

– Возможно. Но, с другой стороны, почему ты не хочешь оставить её с собой? Или у тебя есть и *законные* дети? Дочурки?

– Да. И они её... Не очень любят.

– Ха! Об этом нетрудно догадаться! Что, уже пробовали... Отравить?

– Отравить. Утопить. Зарезать. Удушить. Застрелить... Чего только моя старшенькая не перепробовала! К счастью, я могу довольно легко отслеживать её действия, как и действия и провокации остальных. И успеваю вмешаться. В какой-то степени это даже занятно – заставляет всё время быть начеку. И в тонусе. Хотя и поднадоело. Но вот сажать в камеры и старшенькую, да и всех прочих – было бы глупо. Наследницы, всё-таки.

– Извини, что спрашиваю, Никосс. А сыновья? Есть у тебя сыновья?

– К сожалению нет. – в тоне мага прорезалась горечь, – Такова цена моей силы. От меня могут родиться только дочери!

– Это очень странно. – Конан действительно недоумевал. О такой «цене» за магические способности он никогда не слышал.

– Ну, что есть, то – есть. Вот так уж сложилось. С другой стороны – дочери тоже вполне... Достойная смена. Особенно – мои. (И тут говорит не только отцовская гордость, но и факты!) Да и не боюсь я оставлять королевство и дворец, пусть и подземный, но уж поверь – весьма обширный, им в наследие. Характером-то они – все в маменьку!

– А где сейчас их мать? Она тоже с вами? Или живёт где-то там? На поверхности?

– Нет. Их мать, а моя жена Цициллия, к сожалению, погибла. Переоценила свои силы. Пыталась восстановить из руин наш старый дворец. Там. На поверхности.

Но он – действительно проклят. Вернее, та его часть, что была видна всем. Так что ничего у неё не вышло, и она умерла прямо у меня на руках!

– Прости. – Конан закусил губу. Хотя теперь куда лучше понимал, *кто* заставил Никосса вернуться в мрачные подвалы, и попытаться восстановить королевство, – Мне очень жаль.

– Да. Мне тоже. С ней справляться с нашими дочерьми было проще...

И спасибо за сочувствие. Я вижу, что оно – искреннее. Но то, что произошло потом – в какой-то степени произошло именно из-за моей безвременной потери. Я ведь ещё вполне... э-э... молодой волшебник. И, конечно, без женщины чувствовал себя... Скверно. Поэтому через десять лет после кончины моей королевы я... Изменил её памяти.

И вот оно как обернулось!

Некоторое время они шли через открывшуюся теперь анфиладу роскошно обставленных комнат, молча. Затем Конан решил спросить:

– А сколько у тебя всего дочерей, уважаемый Никосс?

– Восемь.

– Бэл меня раздери! Никосс! Они же передерутся за престол, если ты... Ну, дашь слабинку, не упустишь, или...

– Или – умру? Да, Конан такая мысль приходила мне в голову. Несколько тысяч раз! Потому что они грызутся, словно голодные крысы в бочке, уже лет сто. С другой стороны, я не слишком заморачиваюсь их дрязгами, интригами, и даже драками между собой. Лишь бы не вредили мне и моей... Внебрачной. А вообще я – приверженец древнего учения Ваади. То есть – по этому учению победить должен хитрейший и подлейший. Ну, то есть тот, кто вот именно – достоин выбиться в Лидеры, и наследовать своим предкам! Поэтому сейчас их осталось только восемь.

А было – девятнадцать.

Конан не придумал ничего лучше, как вновь почесать многострадальный затылок. Впрочем, внутрисемейные разборки и взаимоотношения со злобными и коварными отпрысками женского пола – личное дело самого чародея! Он же их отец! И как бы он их не воспитывал, и не содержал – касается только его! И какие бы методы не выбирал, чтоб выяснить, кому оставить свой трон – его личное дело!

А задача Конана куда проще.

Убрать из этой гнетущей атмосферы интриг и заговоров наивную и не владеющую магией, «внебрачную» дочь! По словам чародея – очень вредную и назойливую...

Но явно – любимую!

– Мы пришли, Конан. Вот её покои. – чародей указал на помпезно-шикарные, золочёные и с вензелями и резьбой, двустворчатые двери из дуба.

Конан кивнул:

– Красиво. Палаты действительно – королевские!

– Ну, что-то, а отремонтировать как следует эти подземные катакомбы, да навести подobaющую королевскому сану красоту на интерьеры, было проще всего. Всё-таки у меня было сто пятьдесят лет! А вот прокладывать новые ходы и тоннели, как и строить новые залы – потрудней. И здесь-то мне как раз и нужны мои новые... Подданные.

– И кто же это? – впрочем, киммериец уже не сомневался, что долбят скалы и занимаются отделкой новых помещений отнюдь не люди.

– Думаю, ты уже догадался, что не люди. Это – кроты. Подправленный мной. Отдрессированные. Владеющие кайлами и ломачами. И резцами, и кузнечными молотами. И плотины умеющие строить не хуже бобров. И, конечно, чудовищно увеличенные!

И сейчас они не долбят скалы, и не грохочут на всё подземелье только потому, что я приказал им остановиться, пока мы разговариваем и решаем наши проблемы. А когда вы с Найдой покинете мои чертоги, работа возобновится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.